

Погибло более десяти мужчин, однако до сих пор было неясно, кто убийца: человек или призрак. Народ пришел в ужас, полагая, что это наказание, посланное речными богами. Даже магистрат Хэ заразился всеобщей паникой, но Тан Фан с остальными, явившиеся сюда расследовать дело, даже не думали рассматривать его с подобной точки зрения, поскольку это бы ни к чему не привело. Не докладывать же им ко Двору, что тут происходит что-то сверхъестественное.

Они пока не собирались лишаться своих шляп.

— Поскольку в гробницах императоров были найдены подкопы, – продолжил Тан Фан, – дело связано с расхитителями. За все это время вы не поймали ни одного вора?

— После произошедшего с деревенским старостой, – отвечал магистрат Хэ, – никто больше не осмеливается идти туда ночью. Этот скромный чиновник отправлял к подкопам людей, но днем. Они ничего не нашли. Никто не хотел спускаться в те туннели, посему этому скромному чиновнику пришлось предложить им денежное вознаграждение. Только тогда они согласились, однако вскоре вернулись, сказав, что подкопы слишком глубокие и там очень темно. Они не видели дороги, так что побоялись заблудиться. После этого я еще пару раз предлагал денег, и кто-то даже согласился продолжить поиски, но... – он замялся, а затем пробормотал: – Никто из них не вернулся.

Оживленная атмосфера, царившая во время обеда, постепенно угасала. Слова магистрата потрясли присутствующих.

О подобном в донесении не говорилось, и Тан Фан прекрасно понимал почему. Произошедшее было слишком странным, и выразить это все на бумаге оказалось очень сложно, поскольку подобные отчеты должны быть краткими. Отразить в нем все детали не представлялось возможным.

Однако, как бы то ни было, они явились сюда аж из самой столицы, чтобы расследовать дело. А для того, чтобы это сделать, необходимо было докопаться до истины. Из донесения магистрата Хэ было сразу видно, что дело это сложное и опасное, однако теперь они поняли, что оно еще сложнее и опаснее, чем предполагалось.

Даже Инь Юаньхуа, рассчитывавший получить признание благодаря этому делу, начал сожалеть, что вообще ввязался в него.

Окружной магистрат Хэ с тревогой посмотрел на Тан Фана, опасаясь, что тот обвинит его в сокрытии информации в доносе, однако, видя, что его не собираются упрекать, несколько успокоился.

— Как далеко отсюда деревня Лохэ? – внезапно спросил Тан Фан.

— Недалеко, – отвечал магистрат Хэ, – в десятке ли от города!

— Тогда, как закончим обедать, поедem в деревню Лохэ. Там же и переночуем.

— А? – ошарашено переспросил магистрат Хэ.

— Что-то не так?

— Это несколько... – придя в себя, магистрат Хэ поспешил ответить: – Это несколько неудобно. Условия в деревне неважные. Боюсь, что господам там будет некомфортно. Кроме того, на ночь глядя...

— Наоборот, хорошо, что скоро ночь, – перебил его Тан Фан. – Не ты ли говорил, что недавно плач снова возобновился? Так что мы явимся туда как раз вовремя, чтобы взглянуть на это «божество». Что мы там днем найдем? – он повернулся к Суй Джоу: – Что думаешь, братец Гуанчуань?

— Слова господина Тана имеют смысл, – кивнул Суй Джоу. – У Императорской Стражи нет возражений.

Конечно, у Императорской Стражи не было возражений. Для них это путешествие было раз плюнуть: столь спешные переходы относились к категории «обычных командировок». В прошлый раз, когда Суй Джоу расследовал дело Хуан Цзинлуна, ему пришлось намного тяжелее, поскольку нужно было прятаться и скрываться, перемещаясь лишь по ночам и быстро меняя укрытие.

Однако для гражданских чиновников это было невыносимо. Особенно для Инь Юаньхуа. Услышав сии слова, он чуть не лишился сознания.

— Господин, – поспешно вставил он, – мы только что прибыли! Давайте переночуем здесь. Разве это не может подождать до завтра?

Тан Фан был очень внимательным начальником:

— Братец Инь, поскольку ты очень устал, можешь отдохнуть в городе, а мы с Главой Двора отправимся в путь.

Инь Юаньхуа, который с таким трудом осилил дорогу от столицы до округа Гун ради того, чтобы выслужиться и нарыть компромат на Тан Фана, не мог отступить в самом конце пути. Если не сможет принять участие в расследовании, зачем он вообще здесь?

Он понимал, что Тан Фан делает все, чтобы помешать ему. Выслушав сие насмешливое предложение, Инь Юаньхуа выдавил из себя улыбку:

— Как я могу? Этот скромный чиновник должен выполнять свои обязанности. Разве он может оставить господина? Пожалуйста, позвольте мне поехать с вами!

— Если плохо себя чувствуешь, – ласково проговорил Тан Фан, – не стоит себя заставлять. Тебе сейчас, главное, поскорее поправиться. Я сам со всем справлюсь.

Да ты больной! Как и вся твоя семья!

Инь Юаньхуа заскрипел зубами, однако был вынужден мило улыбнуться:

— Господин очень заботлив. Но разве этот скромный чиновник может оставить господина один на один с опасностью? Только сопровождая вас, я смогу успокоить свое сердце!

Видя его настойчивость, Тан Фан кивнул:

— Тогда решать тебе. Однако будь осторожен. Если что не так, дай мне знать.

Окружной магистрат Хэ не догадывался о разногласиях между ними, поэтому решил, что этот императорский посланник господин Инь действительно очень самоотверженный: его только что так сильно тошнило, а он думает лишь о задании!

Если уж даже Инь Юаньхуа решил поехать, как Чен Вэнь с Тянь Сюанем могли отказаться? Закончив обедать, они направились в деревню Лохэ вместе с окружным магистратом.

Заместитель магистрата с остальными отправились туда заранее, чтобы подготовить господам место для ночлега. Деревня не город. В ней могло не хватить мест для внезапно нагрянувших гостей.

От города до деревни Лохэ было недалеко, так что путники отправились не верхом, а на паланкинах. Императорская Стража оставила коней на станции, чтобы те отдохнули после долгого пути.

Передвигаться в паланкине было намного удобнее, чем верхом. Сидя на толстой мягонькой подушечке, Тан Фан почувствовал себя настолько комфортно, что чуть не заснул.

Или все-таки заснул... Проснулся он, когда кто-то нежно похлопал его по плечу.

— Мы на месте, – проговорил Суй Джоу, заглянув в паланкин.

В конце концов, они были на виду у всех, в том числе и у Инь Юаньхуа. Они не могли слишком сильно демонстрировать свою близость и общались несколько официально.

Тан Фан улыбнулся ему и потянулся. Он чувствовал себя лучше, однако усталость дала о себе знать: очень хотелось спать. С трудом поборов в себе это желание, он вышел из паланкина и вновь принял образ бодрого императорского посланника.

Это задание было важным переломным моментом не только в его личной карьере. От него зависели продвижение по службе и счастье остальных. Будучи главным императорским посланником, Тан Фан должен был считаться с теми, кто ниже его по положению, и не вести себя слишком опрометчиво.

Как, например, было сегодня вечером. Не будем брать в расчет Инь Юаньхуа с остальными двумя, кто страдал от тряски. Служащие Императорской Стражи вроде Пан Ци с нетерпением ждали возможности выслужиться и рвались немедленно начать расследование. Суй Джоу, конечно, мог их сдержать, однако Тан Фан, поставив себя на место своего друга, решил не усложнять ему задачу.

Приближалась ночь. Небо начало темнеть. Деревня Лохэ предстала перед ними, озаренная серо-голубым светом.

Деревня эта была не большой, но и не маленькой. Она находилась недалеко от округа Гун на берегу реки Лохэ. Многие жители города родились здесь. Движение между городом и деревней было оживленным, дороги – ровными, а жители – достаточно зажиточными.

Однако деревня остается деревней. Здесь не было приличной почтовой станции, как в городе, так что встретивший их заместитель магистрата со смущением доложил:

— Господа императорские посланники, это лишь деревня. Отыскать много домов сложновато. Мне с трудом удалось подготовить несколько, где вы сможете остановиться, однако, боюсь, господам придется потесниться и жить группами. Вы?..

Дома эти удалось освободить после того, как помощник магистрата уговорил некоторых местных жителей на время переехать к своим соседям или родственникам.

Тан Фан, конечно же, не возражал:

— Сколько всего домов?

— Девять. Мы специально устроили все так, что они находятся подле друг друга!

— Благодарю за беспокойство, – одобрительно закивал Тан Фан. – Нам подходит.

Заместитель магистрата, опасавшийся получить выговор, но удостоившийся похвалы, расцвел от счастья.

— Я буду жить в одном доме с Гуанчуанем. Братец Инь поселится вместе с Чен Вэнем и Тянь Сюанем. Остальных, Гуанчуань, ты рассели.

Суй Джоу с Пан Ци распределили оставшиеся семь между своими подчиненными. Одни дома были побольше, другие поменьше. Тан Фан с Суй Джоу не делали никаких различий между собой и остальными, так что без проблем поселились в маленькой комнате с одной кроватью. В любом случае, они сюда не веселиться приехали – ничего, втиснутся.

Инь Юаньхуа с двумя служащими Министерства заняли большой дом с внутренней и внешней комнатой. Инь Юаньхуа спал во внутренней, тогда как Чен Вэнь с Тянь Сюанем – во внешней.

С Императорской Стражей было куда легче. Они были ребятами простыми и неприхотливыми: есть одеяло – можно спать где угодно.

Распределив места, Тан Фан обратился к окружному магистрату Хэ:

— Если господин магистрат не торопится возвратиться, можешь проводить нас к дому бывшего деревенского старосты? – видя сомнение на лице собеседника, он спросил: – Что-то не так?

— Господин, – горько улыбнулся окружной магистрат Хэ, – не поймите меня неправильно: я не пытаюсь помешать вам. Пережив такой испуг, староста выглядит вроде бы нормальным, однако каждый раз, когда кто-то упоминает о событиях той ночи, он принимается бормотать одно и то же, так что расспросить его не выходит. А, и еще...

— Что еще?

— Уже почти ночь, – понизил голос магистрат Хэ. – Почему бы... почему бы не подождать до утра?

После этих слов Тан Фан заметил страх на лицах магистрата, его заместителя и остальных

служащих местной префектуры.

Прежде окружной магистрат Хэ клялся и божился, что лишь простолюдины верят в сверхъестественную чушь, однако на деле оказалось, что в глубине души он тоже побаивается чего-то подобного.

Недалеко шумела река Лохэ, что текла на северо-восток и впадала в Хуанхэ. Она была не такой бурной, как Хуанхэ, но тоже достаточно быстрой и широкой, чтобы по ней могла проплыть лодка. С обеих ее берегов зеленела густая растительность. Днем ее можно было разглядеть сквозь низко ползущий туман, однако сейчас было уже слишком поздно. Наползла темнота, дул прохладный вечерний ветер, заставлявший легко одетых прохожих ежиться от холода.

Река перед ними не выглядела так, будто поглотила так много людей, однако Тан Фан, заразившись от окружного магистрата и остальных, глянув на нее издалека, подумал: «Как же много неизвестных опасностей и тайн хранят ее воды».

Видя, как те нервничают, Тан Фан не стал давить на них:

— Ладно. Просто покажите мне, где дом старосты, и оставьте пару человек, знакомых с местностью, а сами можете возвращаться.

Окружной магистрат Хэ был сильно напуган, так что перевел взгляд на своего заместителя, который, напротив, желая снискать расположение императорских посланников, вызвался добровольцем:

— Этот скромный чиновник останется и покажет господам путь.

Видя, что его заместитель готов остаться, окружной магистрат Хэ тотчас заторопился домой. Он оставил с ними парочку служащих, извинился перед Тан Фаном и остальными, залез в паланкин и поспешил прочь.

Окружной магистрат Хэ был слишком осторожным и нерешительным. Будь он обычным человеком, это было бы неплохо, но, как императорскому чиновнику, ему необходимо было быть более ответственным. Хотя бы ради собственного светлого будущего. Однако, поскольку он предпочитал сбегать от проблем, далеко в официальных кругах не продвинулся бы. Как бы то ни было, Тан Фан не стал упрекать его: сейчас самым важным было расследование дела, к которому магистрат Хэ не имел никакого отношения. Он бы ничем им не помог.

Заместитель магистрата Чжао, напротив, был очень деятельным. Представившись, он рассказал Тан Фану и остальным, что теперь старостой деревни Лохэ стал сын бывшего старосты. Старик-староста был всеми уважаемым и весьма самоотверженным человеком, с которым произошло такое несчастье, так что новым старостой единодушно был выбран его старший сын, который жил со своим отцом.

Во главе с заместителем магистрата Чжао Тан Фан с остальными подошли к дому деревенского старосты.

Тот уже слышал о том, что в их деревню прибыли важные люди, однако без разрешения магистрата не осмелился беспокоить их. Теперь же, видя, как к его дому приближаются

императорские посланники, он поспешно вышел поприветствовать их. Соседи также несколько встревожились, и вот уже у ворот собралась целая толпа. Маленький дом не мог вместить так много людей, так что Тан Фан велел Пан Ци охранять снаружи, а сам вместе с Суй Джоу, Инь Юаньхуа и двумя служащими зашел внутрь.

Старшему сыну деревенского старосты, носившему фамилию Лю, было за сорок. Он был простым и честным малым. Узнав, зачем Тан Фан прибыл сюда, он тотчас попросил отца выйти, а затем, кланяясь, извинился перед ними:

— Мой отец плохо говорит. Иногда очень неразборчиво. Господа, пожалуйста, не вините его!

— Не беспокойся, – тепло отозвался Тан Фан. – Мы просто зададим ему пару вопросов и уйдем. Однако боюсь, позже нам снова придется потревожить вас.

Староста Лю, по всей видимости, был неплохо воспитан. Даже будучи слишком взволнованным, оставался вежливым и учтивым. Он добродушно улыбнулся:

— Для деревенского старосты принимать у себя благородных мужей большая честь. Вы нас не потревожите! Условия в деревне слишком простые, боюсь, господам неудобно!

Пока они говорили, старик-староста сидел рядом и слушал со спокойным выражением лица, сложив руки и потирая их друг о друга. Казалось, он ничем не отличался от нормального человека.

Однако стоило Тан Фану заговорить о событиях той ночи, как он тотчас встревожился: затрясся, то открывая, то закрывая рот, будто силясь сказать что-то.

— Отец, – обратился к нему староста Лю, – это высокопоставленный чиновник, посланный Двором, чтобы расследовать дело. Расскажи господам, что же произошло той ночью!

Старик затряс головой, повторяя: «Нет! Я не могу! Нас постигнет кара Небес!»

— Отец, – попытался его убедить староста Лю, – Эти высокопоставленные чиновники и есть посланники Небес. Никакие призраки не посмеют к ним приблизиться! Разве ты не говорил, что видел речного бога тогда? Что случилось?

— Милостивые господа, – вздохнул бывший староста, – этот несчастный старик вовсе не отказывается говорить, просто я не хочу, чтобы вы отправились на верную смерть! В ту ночь я своими собственными глазами видел, как бог вышел из реки. Тех, кто пришел раскапывать гробницы, утащил и даже косточек не оставили!

Об этом окружной магистрат Хэ не упоминал.

— Ты видел раньше тех людей? – спросил Тан Фан.

— Да, – кивнул старик-староста. – У них были лопаты, чтобы копать гробницы. Мы столкнулись с ними. Они попытались сбежать, так что мы преследовали их до самого берега, а потом... – вспомнив о том, что произошло той ночью, он поддался страху и принялся снова невнятно бормотать: – А потом мы наткнулись на призраков! Там были призраки! Очень много призраков!..

Вы только посмотрите! Сначала он говорил про речных богов, а теперь снова про призраков!

Тан Фан и Суй Джоу обменялись взглядами.

— Отец, что ты такое говоришь?! – простонал староста Лю.

Старик вздрогнул, его лицо исказилось, будто он увидел что-то ужасное. Он замотал головой, вжался в угол, слезы полились из его помутившихся глаз:

— Сяо Лиу разорвало напополам. Верхняя часть тела осталась на берегу. Он хватался руками за глину, лежа на животе. Он плакал и просил спасти его. Пристав Чжоу подбежал, схватил его за руку и попытался помочь, но его тоже поймали и утащили. Мы увидели, что в реке что-то есть...

— Что же? – спросил Тан Фан.

— Бог реки! Это был бог реки!

Тан Фан: «...»

Чутье подсказывало ему, что не стоит доверять этому старику. Как и говорил окружной магистрат, все, что вылетало из его уст, не имело никакого смысла. Порой его речь была вполне организованна, однако все остальное – полная чушь, из-за чего трудно было определить, что из этого правда, а что ложь.

Видя, что толку от него не добиться, Тан Фан повернулся к Суй Джоу:

— Братец Гуанчуань, хочешь что-то еще спросить?

Суй Джоу слабо покачал головой.

Инь Юаньхуа же все-таки захотел задать еще один вопрос:

— Ты видел, как выглядит речной бог?

Старик-староста на мгновение замолк, а затем застучал зубами.

Староста Лю быстро шагнул к нему, чтобы поддержать, и с тревогой спросил:

— Отец, что с тобой?!

Однако старик задрожал еще сильнее, отбросил руку своего сына и прижался к печи.

Староста Лю мог лишь с мольбой обратиться к Тан Фану:

— Господин, мой отец в таком состоянии, что и двух слов связать не в силах. Вы можете прийти в другой раз?

Инь Юаньхуа, стушевался, однако все-таки взглянул на старика еще раз.

Тот поднял голову, и в его глазах читался такой страх, отчаяние и мольба, что у Инь Юаньхуа по всему телу побежали мурашки. Он тотчас отвел взгляд, не решаясь больше смотреть в сторону бывшего старосты.

Тан Фан поднялся, велел старосте Лю позаботиться о своем отце, а затем вышел вместе со всеми.

За его спиной старик-староста продолжал бормотать себе под нос:

— Не ходите, не ходите... Призраки, привидения, так много призраков, они повсюду...

Тан Фан не выдержал и оглянулся: старик уже опустил голову, прислонившись к стене, и даже не глядел на них.

Не прошло и часа с тех пор, как они вошли в дом Лю. Тан Фан велел всем разойтись по домам, выделенным для них окружным магистратом Хэ, и ложиться спать.

Кстати говоря, заместитель Чжао действительно был более внимательным, чем магистрат Хэ. Он велел приготовить для них горячей воды и чистые полотенца. Боясь оказать не самый радушный прием, он, пока Тан Фан с остальными проводили допрос в доме Лю, отправил людей в город за закусками. Чайник на столе стоял еще горячий. Хоть сервиз и был достаточно простым, аромат, долетевший до Тан Фана, свидетельствовал, что чай просто прекрасный.

— Окружной магистрат напуган до смерти и первым вернулся домой, тогда как его заместитель Чжао сам предложил остаться и был так заботлив. Небо и земля! – Тан Фан покачал головой и налил чаю себе и Суй Джоу.

— Он старается, чтобы по возвращении ты замолвил за него словечко. Люди мечтают о продвижении. Никто не хочет всю жизнь оставаться заместителем магистрата, – Суй Джоу расстелил чистые повязки, что взял у Пан Ци, и нанес на них свою мазь. – Иди сюда.

Взглянув на то, что было в его руках, Тан Фан натянуто рассмеялся:

— Слушай, я уже столько дней делаю перевязки. Все должно быть в порядке. Не нужно больше бинтовать. Так неудобно!

— Я сказал «иди сюда», значит, иди сюда, – с холодным лицом проговорил Суй Джоу. – В порядке ты или нет, тебе лучше знать, не так ли?

Конечно, тот был не в порядке.

Господин Тан соорудил несчастное лицо и медленно приблизился.

— Ложись, снимай штаны и задирай платье.

Тан Фан: «...»

Прозвучало весьма двусмысленно. Если бы в этот момент кто-то снаружи услышал их, то, вероятно, понял бы все неправильно.

На самом деле, все было совсем не так.

Тан Фан физически не был выносливее Инь Юаньхуа и остальных двух. Многодневная езда верхом была невыносима, однако в повозке было еще хуже. Достаточно посмотреть на Инь Юаньхуа, который еще долго блевал после этого. От верховой езды страдали только бедра и ягодицы, а не все тело. Будучи руководителем экспедиции, господин Тан сделал свой выбор: он предпочел немного пострадать, вместо того чтобы, как Инь Юаньхуа, напрочь лишиться любого величия и утонченности.

Это называется «умереть, но сохранить лицо».

С ягодицами все было относительно нормально, поскольку кожа на них была толще. Основной дискомфорт доставляла внутренняя поверхность бедер. Она натерлась от езды, покрылась волдырями, которые лопались и кровоточили.

Их нужно было обрабатывать специальными лекарствами. Поначалу Тан Фан слишком смущался и не говорил об этом, дабы сохранить лицо. Однако Суй Джоу все-таки заставил его воспользоваться мазью.

Господину Тану меньше всего хотелось каждую ночь менять повязки.

Он бы предпочел пойти в одиночку поболтать с богами реки Лохэ, чем, как сейчас, лежать на спине с раздвинутыми ногами без штанов и с задранном подолом, позволяя Суй Джоу обматывать повязки вокруг поврежденных участков кожи.

Хоть они оба и были мужчинами, у которых там было то, что должно быть, и не было ничего, чего не должно быть, Тан Фан все равно чувствовал себя очень неловко. Он продолжал сверлить взглядом балки под потолком, делая вид, что его тут нет, чтобы скрыть свое смущение.

Суй Джоу, казалось, видел его насквозь. Про себя он решил, что это весьма забавно, однако лицо его по-прежнему оставалось невыразительным. Хорошенько намотав повязки, он как бы ненароком взглянул на его промежность и равнодушно бросил: «Неплохой размерчик».

Тан Фан только притворялся мертвым. Его душа все еще находилась тут. Как только до него дошел смысл сказанного, он тотчас покраснел.

— Как самонадеянно! – рассерженно ответил он. – Смеешь комментировать внешний вид Императорского посланника? Жить надоело?!

— О, – протянул Суй Джоу, – я тоже императорский посланник.

— Ты лишь помощник, а я руководитель! Хватит пороть чушь! Давай сам раздевайся, а этот чиновник прокомментирует!

— Уверен, что хочешь взглянуть?

— Конечно!

Он думал, что Суй Джоу найдет какой-нибудь предлог и откажется. Однако тот молча встал и спокойно потянулся к поясу на штанах.

— Ладно-ладно! – быстро заговорил Тан Фан. – Я знаю, что у тебя меньше. Не хочу, чтобы твоя самооценка пострадала. Позволю тебе разок выйти сухим из воды, чтобы ты мог сохранить лицо, как мужчина.

— Все в порядке, я не против.

Тан Фан: «...»

На самом деле, Суй Джоу хотел просто подразнить Тан Фана. Он не был настолько дурным.

Видя, как господин Тан ощетинился, он остановился и, взяв со стола тарелку с закусками, поднес один кусочек ко рту господина Тана.

При тусклом свете свечей Тан Фан не мог четко видеть мармеладное пирожное, однако на вкус оно был превосходным: кисло-сладким, напоминавшим домашнюю выпечку, которой он лакомился в детстве.

Не вытерпев, он подхватил оставшуюся часть языком, случайно задев им палец Суй Джоу. Тот замер, а затем поспешно одернул руку.

Однако Тан Фан не обратил на это никакого внимания. Он зажмурился, сосредоточившись на ощущениях, подаренных его вкусовыми рецепторами, кивнул и снова рассыпался в похвале:

— Закуски, что принес нам заместитель Чжао, хороши! Какая жалость, что место такое неподходящее. Если нам придется бегать полночи, это будет пустая трата вкуснятины!

Суй Джоу велел ему надеть штаны и встать, а сам, наклонившись, поправил постель:

— Тебе не кажется, что что-то не так?

— Ты тоже это заметил? – Тан Фан взял еще одно пирожное и сунул его в рот.

— Не увлекайся закусками, иначе не уснешь, – нахмурившись, бросил ему Суй Джоу, а затем продолжил: – Кажется, со стариком не все чисто.

Тан Фан кивнул. Он хотел что-то ответить, но мармеладное пирожное попало ему не в то горло. Подавившись, он схватился за шею и закатил глаза.

Растерянный, Суй Джоу подошел и похлопал его по спине, а затем подал чашку чая:

— Как ты вообще еще не умер за последние двадцать с небольшим лет?

Когда чай с мармеладным пирожным наконец попали в желудок, Тан Фан облегченно выдохнул и рассмеялся:

— Этот чиновник – настоящее бедствие, что продлится тысячу лет. Я тоже считаю, что со стариком что-то не так. Его речь бессвязна, однако кажется, будто он притворяется.

Суй Джоу хмыкнул, ожидая, что тот продолжит.

«Ну, тут несколько вариантов. Во-первых, это старик-староста убил всех тех людей. Но это маловероятно. Не могу понять, зачем ему вдруг это понадобилось бы. К тому же он стар и слаб. Без посторонней помощи он бы не смог убить столько сильных мужчин. Невозможно. Отложим пока это предположение.

Во-вторых, старик, а может, и вся деревня в сговоре с расхитителями гробниц, а потому пытаются ввести нас в заблуждение и заставить думать о всяком сверхъестественном. Может, грабители пообещали жителям долю от сокровищ императорских гробниц, если те помогут сохранить все в секрете. А убитые их раскрыли и желали доложить о происходящем».

Однако еще немного подумав, Тан Фан мотнул головой:

— Нет, бессмыслица какая-то. Нам известно слишком мало, чтобы строить догадки.

— Есть еще один вариант, – вставил Суй Джоу.

Тан Фан посмотрел на него.

— Что старик говорит правду.

— Ты тоже веришь в призраков? – приподнял бровь Тан Фан.

— Это могут быть не призраки, а что-то другое, – покачал головой Суй Джоу. – Действительно бывший староста сошел с ума или нет, не так важно: он точно что-то от нас скрывает и не хочет говорить.

— Сначала пряник, потом кнут, – с улыбкой проговорил Тан Фан. – Кажется, пришел черед Императорской Страже показать себя.

Когда дело доходило до получения признания с помощью пыток, в Поднебесной не было никого лучше Императорской Стражи.

Многие, услышав «получение признания» сразу думают о всевозможных жестокостях. Однако в этом мире, на самом деле, существовало множество других методов, которые заставили бы человека рассказать правду без пыток. Их в основном применяли по отношению к чиновникам, которых нельзя было мучить. Но это был большой секрет Императорской Стражи, о котором никто не знал.

Старик из глуши не стоил того, чтобы раскрывать его.

— Поговорим об этом завтра, – предложил Суй Джоу. – Давай сначала отдохнем.

И то верно. Уже был час хай (21:00-23:00), давно пора было спать.

На улице все стихло. Даже петухов и собак не было слышно. Скорее всего, деревня уже погрузилась в сон.

Однако нельзя было сказать, что тишина стояла абсолютная. Река Лохэ шумела денно и ночью.

Вода бежит, журчит, падает. Но, привыкнув к этим звукам, перестаешь их замечать. Они, наоборот, как будто помогают очистить сердце и разум от накопившихся переживаний.

Места на печи было достаточно для обоих. Тан Фан спал у стенки, а Суй Джоу с краю.

Хоть эти двое и жили под одной крышей долгое время, они еще ни разу не спали вместе.

По правде говоря, они оба очень устали. Однако зачастую, когда сильно устаешь, заснуть не получается.

Услышав, как Тан Фан ворочается, Суй Джоу сказал: «Повернись ко мне спиной».

Тан Фан не стал задавать вопросов и послушно перекатился на бок. Он почувствовал, что его подбородок держит теплая ладонь, тогда как вторая рука аккуратно нажимает на акупунктурные точки у него на затылке.

Тяжесть в голове постепенно прошла, и Тан Фан застонал от удовольствия. Благодаря сильным рукам человека позади него, он почувствовал слабость и сонливость, и вскоре погрузился в страну грез.

После полуночи ему приснился странный сон.

Он шел по берегу темной реки, вдалеке на равнине возвышались могильные мемориалы. Подул ветер, донося до его уха еле слышный плач, далекий и печальный, будто сдерживающий бесконечную ненависть и гнев. Он лился над равниной, а затем оглушил Тан Фана, заставив его содрогнуться от страха.

Крик становился все громче и громче, ближе и ближе – и вдруг за спиной промелькнуло что-то!

То, что он чувствовал, было невозможно описать словами. Он знал лишь, что еще никогда не был так напуган.

Он медленно обернулся...

Дернувшись, Тан Фан резко распахнул глаза!

— Не двигайся, – прошептал Суй Джоу на ухо, опустив руку ему на пояс.

Услышав его голос, Тан Фан почувствовал, как его отчаянно колотящееся после кошмара сердце постепенно успокаивается.

Однако вскоре он осознал, что холодящий душу плач, был не во сне, а раздавался снаружи!

Послесловие автора:

Кто тут утверждал, что они не будут делить одну кровать? Так вот, они действительно делят

одну кровать! Разве автор станет вас обманывать? Конечно нет~~

Когда я дописала последнюю сцену, поднялся сильный ветер и начался дождь. Вот ведь совпадение...

Примечания переводчика:

.....

С НГ!)

<http://tl.rulate.ru/book/50212/1773716>